

Emotive components as nominative unit is closely connected with the creation of expressivity. Emotive i.e. emotionally evaluative meaning is a macro-component of the semantic structure of any language unit. This meaning is the information about speaker's emotionally coloured subjective attitude to the world.

УДК 415.61

А.Е. Оксенчук

Следы древних мифов о душе в русской фразеологии

Как в кремне огонь не виден,
Так в человеке душа.
«Русская пословица».

Вопрос о том, что включает понятие “человеческая душа”, в истории философии, теологии, лингвистике, культурологии, эзотермизме возникает постоянно. Еще мыслители античности прозревали наличие некоей реальности, населенной незримыми силами. Пифагорейцы учили, что человек — это малый мир, микрокосм, и учение это, воспринятое Платоном, дошло до Средневековья. Гармоническая аналогия, объединяющая мир и человека, макрокосм и микрокосм, позволила этим мыслителям различить в человеке три уровня существования: тело, душу и дух (где “дух” — понятие, предполагающее не личностное, как два первых, а вселенское начало, смыкающееся с высшим состоянием бытия). Это разделение на дух, душу и тело было общим для всех традиционных доктрин, оно встречается как в индуизме, так и у китайских даосов; в иудаизме эта трехчастность сформулирована в начале “Книги Бытия”, где душа рассматривается как результат слияния материи с дыханием Божества. О душе как “тончайшей телесности” размышляет Платон, а вслед за ним — средневековые схоласты, передающие греческий термин *psyche* его латинским соответствием *anima*.

Христианская традиция наследует ту же трехчастность от апостола Иоанна, запечатлевшего ее в первых строках своего Евангелия: Слово, Свет и Жизнь. Названная им триада соотносима с тремя модальностями — духовной, психической и телесной. Свет здесь характеризует психическое, или “тонкое” состояние, соприродное всем видам теофании.

Данная статья не ставит своей задачей определить, что есть душа, или каким-либо образом уточнить это понятие. Цель нашей работы — это стремление найти образную основу русских идиом с лексемой душа, попытаться истолковать их.

Носитель русского языка использует фразеологизмы с компонентом душа довольно широко (лексикографический материал включает более 90 единиц). Фразеологизмы с лексемой душа своей семантикой описывают различные эмоциональные состояния человека, его качества и свойства, межличностные отношения.

Эмоции, названные ФЕ с компонентом душа в большинстве случаев оценены в языке негативно, например: *душа не на месте* — тревога, беспокойство, боязнь чего-то, тоска, внешне незаметное внутреннее волнение, расстройство, нервозность, волнующее переживание, обостренная тревожность, неуверенность ни в чем; *душа перевернулась* — нарастающий страх, чувство потери чего-то главного, внутренний холод, замирание, потрясение, мучительная боль; *душа отлегла* — чувство легкости, облегчение, освобождение, равновесие, близкое к покою, внутреннее успокоение; *душа надрывается, плачет душа* — истерическое, подавленное состояние, уныние, апатия, чувство безысходности, скорбь, бесконечная тоска; *душа болит, душа кровью обливается* — сильная тревога, мука, ожидание беды, расстройство чувств, очень плохо; *душа оборвалась, душа в пятки ушла* — сильный неожиданный страх, ужас, сильный испуг и др.

Следующий ряд идиом этой фразеологической группы называет **свойства и качества личности**, бинарные по своей природе, например: *от всей души, всеми фибрами души, с открытой душой* — искренность // *покривить душой, вертеть душой* — лживость природы, неискренность; *распахнуть душу, раскрывать душу, душа нараспашку* — высокая степень доверия // *запереть душу, закрыть душу на замок* — замкнутость; *изливать душу, выворачивать душу наизнанку* — откровенность // *затаить в душе, спрятать в глубине души* — скрытность и др.

Еще одна группа ФЕ с лексемой душа описывает **межличностные отношения**: формулы согласия // несогласия — *душа не принимает (принимает), на душу легло*; надоедать (назойливо) — *лезть в душу, стоять над душой*; стремиться узнать сокровенное — *заглядывать в душу*; беспокоить — *бередить душу, растревожить душу*; оскорбить — *плюнуть в душу*; изводить — *тянуть душу* и другие.

Употребляя эти фразеологизмы для выражения своих чувств, отношения к другим людям, носитель языка не стремится определить при этом семантику лексемы душа, он как бы знает, о чем идет речь. Приведем словарное значение слова душа, чтобы затем попытаться выявить его возможную внутреннюю форму. В.И. Даль определяет душу как «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей. В общем значении человека с духом и телом; в более узком — человек без плоти... Еще более узкое значение: жизненное существо человек: «воображаемое отдельно от тела и от духа... [1]. Как видим, такое толкование все же не дает четкого представления о том, что в языке названо душой. О специфике семантики лексемы душа в русском языке в ряде своих работ писала А.Вежбицкая. Согласно ее выводам, в русском языке этим словом обозначаются чувства наиболее глубинные, которые не могут быть наблюдаемы, и эти чувства являются сущностями лиц. Важным элементом русской семантики лексемы душа, по мнению А. Вежбицкой, является идея совершения чего-либо внутри лица, предполагающая динамизм внутреннего мира человека [2]. В любом случае значение слова душа носит абстрактный характер, и современными носителями русского языка трактуется именно так.

Фразеология — один из самых древних пластов языкового материала, который поэтому все еще сохраняет следы архаичного мышления человека, национально-культурные стереотипы, ментальные феномены, которые на уровне языка являются коннотативно-маркированными [3]. Для реше-

ния поставленных нами задач необходимо выявить образы, лежащие в основе идиом с лексемой душа.

Уже упоминалось, что фразеологизмы как наиболее образные и древние по своему происхождению единицы языка сохраняют отпечатки первобытного мышления. О специфике архаического мышления написан целый ряд работ (Г. Шибутани, А. Милитарев, Г. Франкфорт, Ю. Андреев, И. Дьяконов и др.). Авторы этих работ отмечают главное свойство архаического мышления — мифологичность, т.е. интерпретация феноменов мира в условиях отсутствия общих понятий через тропы [4]. То обстоятельство, что древний человек вынужден был в языке передавать общее через отдельное, абстрактное через конкретное и не имел средств для выражения общих непредметных понятий, может считаться установленным. Если даже допустить, что человек мог интуитивно чувствовать наличие обобщений, у него не было средств выразить эту интуицию иначе как с помощью тропа. Во фразеологизмах тропы являются почти стертými, лексикализованными, сравните: *душа замирает, воспарить душой, камень на душе, кошки скребут на душе, ад кромешний на душе*. И поэтому эти тропы представляют большой интерес для исследования.

Мифологическому сознанию свойственно кодирование информации о мире в связанных сюжетных интерпретациях — мифах. Следы этих мифов сохраняются и в языке, его наиболее древних слоях. В мировой мифологии упоминается несколько мифов о душе, в которых она предстает в различных образах.

По древним языческим преданиям, душа представлялась в самых разнообразных видах. А.Н. Афанасьев приводит следующую образную систему души: душа — искра небесного огня, которая сообщает блеск глазам, жар — крови и теплоту — всему телу; душа — огонь, который если гаснет, то жизнь прекращается; душа представлялась звездой (что имеет близкую связь с образом огня), а смерть уподоблялась падающей звезде. По некоторым указаниям, душа могла исходить из тела дымом (подобно самому огню, сопровождавшемуся дымом) [5]. Еще одно представление дает образ души, подобной легкому ветру, и называют также место ее пребывания в теле — напротив глотки, чуть пониже (это место, а точнее самую ямочку на горле, раньше так и называли — душка [1]). В отдаленные века язычества молниям придавался образ червя, гусеницы, а ветрам — птицы. Душа человека рождалась с теми и другими стихийными явлениями. И птица, и бабочка, и вообще крылатые насекомые, образующиеся из личинок, дали свои образы для олицетворения души. Некоторые из славянских племен считают светящихся червячков душами кающихся грешников, а чехи принимают червяка, который точит стены дома, за душу покойного предка [6].

Согласно этнографическим исследованиям А. Богдановича, белорусы представляли себе душу, как нечто материальное, но более тонкое, чем осязаемые предметы. Душа, по их мнению, пар (как в бане), который может бесконечно изменять свою форму и принимать различные образы, а равно быть невидимой. Душа также представлялась птицей, которая может улететь. Верили, что душа погруженного в сон человека на самом деле вылетает из тела и посещает те места, тех людей, которых видит спящий. Считалось, что душа плохого человека в течение его жизни становится тяжелой и поэтому после кончины не может улететь в небо, и тогда она поселяется в старые деревья, которые скрипят и стонут, потому что в них живет грешная "тяжелая" душа. Души некрещеных младенцев после возможной смерти якобы переселялись в русалок [7]. У украинцев,

наоборот, считалось, что душа дурного человека со временем превращается в пар, теряет свою первоначальную форму. Одни народы верят, что душа человека пребывает в его тени, другие считают, что она находится в его отражении в воде или в зеркале. А согласно тибетским астрологическим трактатам, душа человека в различные дни месяца уподобляется различным частям тела, как бы дублируя их.

Эти представления, связанные с образом души, находят свое отражение в идиомах с лексемой душа. Во фразеологизме *душа горит* — закодирован образ **огня**, а в идиоме *воспарить душой* — уже известный по мифам образ **пара или дыма**, *вдохнуть душу* — образ **воздуха**. Можно выделить ФЕ, в которых образ души представлен как некая **вещь**, способная рваться (подобно ткани) — *душа надрывается, душа разрывается*; иметь правильную форму — *покривить душой, прям душой*; которую можно потерять, отдать, обменять, использовать как залог — *погубить (загубить) душу, положить душу, душа всего дороже, вертеть душой, заложить душу*. В русском языке можно сформировать группу фразеологизмов, в которых названное душой выражено через образ **прочной, твердой поверхности**, сравните: *это на душу легло, камень на душе лежит, скребет на душе, с души скинуло, тяжесть на душе, с души тянет, камень с души свалился*. В идиоме *излить душу (кому-то)* — душа некая **жидкость** (этот образ души тоже встречается в морфологии: так, по мнению полешуков, души усопших родителей в день свадьбы их детей сходят на землю дождем).

Самой же многочисленной в русской фразеологии является группа ФЕ, в которой душа представляется в образе **маленького существа**, например: *душа не принимает, душа плачет, не слышать души в ком-либо, не чаять души, душа замирает, душа болит* и другие. Этот образ вполне ожидаем, т.к. в целом ряде мифов с душой метафорически связан образ маленького человека. Например, Джеймс Фрззер упоминает индийские мифы, в которых душа представляется именно как маленький человечек внутри большого, при этом сходство их полное, как есть толстые и худые тела, так есть толстые и худые души. Точно так же лицо и руки человека сходят с душой, с которой они соединены [8]. Этим, возможно, объясняется внутренняя форма фразеологизмов типа: *добрая душа, милая душа, с сильной душой, со слабой душой* и др. В группе идиом, где душа может быть представлена в образе маленького человека, наблюдается определенная системность. Так, ряд фразеологизмов описывает различные виды **движений** этого невидимого, но слышимого (!), чувствуемого существа: *еле-еле душа в теле, не лежит душа, душа перевернулась, душа не на месте, не слышать души, не чувствовать души, душа замирает, душа оборвалась*. Возникает вопрос, почему передача сложных эмоциональных состояний, как правило, негативного характера (тревога, страх и т.д.) осуществляется в языке через образ двигающегося невидимого маленького существа внутри человека? Как можно истолковать эту древнюю метафору?

При внимательном анализе внутренней формы фразеологизмов с образом «душа — маленькое существо» выстраивается еще один довольно любопытный ряд, в котором это «маленькое существо» предстает **окруженным некой оболочкой**, находится как бы в сосуде, в который делаются попытки проникнуть извне, сравните: *заглядывать в душу, в глубине души, тревожить душу, лезть (влезать) в душу, бередить душу, закрадываться в душу, раскрывать душу, распахивать душу // закрыть душу*

на замок, затаить в душе. И здесь нам представляется уместным провести аналогию с маленьким человеком — ребенком, находящимся и живущим в теле матери. Эта аналогия не будет казаться столь шокирующей, если вспомнить, что по индийской традиции, в символике небес Душе соответствует “первое небо”, в центре которого покоится Мировое Яйцо с его зародышем, Золотым эмбрионом (хираньягарбха), который предстает в виде огненного шара, истекающего энергией [9]. А если вернуться к традициям наших предков — славян, то, согласно их верованиям, плацента, окружающая ребенка, считалась живым существом, братом или сестрой ребенка. В деревнях Беларуси, например, послед нужно было закапывать под порогом дома. А когда ребенок тяжело болел, ему давали кусочек плаценты, утверждая, что душа оживёт в нем вновь (сходные с этим верования упоминаются Джеймсом Фрээрером в его “Золотой ветви”). Можно обратиться и к уже известным по мифологической традиции представлениям о душе как насекомом, возникающим из личинки, или бабочке, выпрастывающейся из куколки, или птице, рождающейся из яйца (в санскрите птица названа «дважды рожденной»). Младенца же народные загадки называют метафорически яйцом. Вся эта образная система базируется на стремлении человека истолковать один из феноменов мира: когда раз рожденное (гусеница, птица), умирая, вновь воскресает. Человек архаичного сознания уподоблял себя природе, наблюдая за ней, осуществлял понимание себя самого и выражал это понимание в языке. Мишель Фуко замечал по этому поводу: “... язык существует сначала в своем свободном, исходном бытии, в своей простой, материальной форме, как клеймо на вещах, как примета мира... В каком-то смысле этот слой языка является единственным и абсолютным” [10]. Развивая ранее сказанное, приведем еще один идиоматический ряд, тесно связанный с предыдущим, в котором, как нам кажется, объединены фразеологизмы, образной основой описывающие процесс собственно родов с его основными этапами (раскрытие матки, изгнание плода, извлечение младенца, собственно рождение): *открыть душу — душа нараспашку — тянуть душу — выворачивать душу — вышибать душу — хватать за душу — упала душа в пятки — плачет (кричит) душа*.

На наш взгляд, выявленные образы не только не окказиональны, но и продолжают изобразительный ряд, связанный с культом Рода у славян, когда предметы быта декорировались (с целью оберега) стилизованными изображениями рожавшей Мокоши (богини жизненных благ и изобилия) в окружении божественных рожениц Лады и Лели [11]. Мать-земля, Мокошь, рассматривалась как всепорождающее лоно, производящее живое, как материнская утроба, принимающая все в себя, чтобы успокоить его в себе, а затем вновь вернуть к жизни в новом обличье (это объясняет то, что многие племена хоронили покойников на боку, в скрюченной позе, имитирующей положение зародыша во чреве матери). В более поздней, уже христианской традиции этот образ души как младенца запечатлен на Новгородской иконе XIII века “Успение”, в комментарии к сюжету которой читаем: “Царица Небесная передала в руки Сына пречистую душу, и Он взял Ее, как Она брала Его на руки, когда Он был Младенцем, и вознесся с Нею к вратам неба”. Остается ответить, почему с помощью этой метафоры в языке названы сложные эмоциональные переживания, свойства человека, являющиеся, по мнению А.Вежбицкой, сущностями лиц. Возможно потому, что более точный и понятный для восприятия образ сложно подобрать: все живое вокруг вынашивается и рождается, так же вынашивается и рождается сам человек, при этом состояния эти требуют вни-

мания и терпения и сопровождаются страхом перед неизвестностью (в природе период ожидания рождения новой жизни связан с зимой — порой холода, печали и тревог; весной же, когда рождается сама новая жизнь, земля истекает водой, грязью, а затем, как бы освободившись от бремени, — зацветает).

Таким образом, нам удалось, хотя бы отчасти, выяснить метафорические основания идиом с лексемой душа в русском языке. Образ названного в них душой может быть представлен в виде огня, пара, воздуха, вещи, поверхности, жидкости и, наконец, ребенка во чреве матери. Эта система образов является отражением в языке существующих мифов о душе человека, стертыми знаками совершенно иного миропорядка. И здесь уместно напомнить о сказанном очень давно, что особенность знания состоит не в том, чтобы видеть или доказывать, а в том, чтобы истолковывать. Попытку исследования такого рода мы и пытались осуществить. Но как подчеркивал Мишель Фуко: "... задача комментария, по существу, никогда не может быть выполнена до конца. Комментарий целиком обращен к загадочной, неясно выраженной части: под существующей речью он открывает другую речь, более глубокую и как бы более "изначальную"; именно ее-то комментарий и должен восстановить" [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т., М., 1955, т.1.
2. **Wierzbicka A.** Dusa, toska, sud'ba: Thre key concepts in Russian Language and Russian culture // Metody formale w opisie jezykow slowianskich. Bialystok, 1990. S.23-32.
3. **Телия В.Н.** Типы языковых значений. Связное значение слова в языке. М., 1981.
4. **Дьяконов И.М.** Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.
5. **Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х т., М., 1865-1869, т.1.
6. **Глушко Е., Медведев Ю.** Словарь славянской мифологии. Н.-Новгород, 1995. С.84-87.
7. **Богданович А.** Пережитки древнего миропонимания у белорусов. Гродно, 1895. С.24-25.
8. **Фрэнгер Джэймс.** Золотая ветвь. М., 1986.
9. **Бенуа Люк.** Эзотеризм. Общий обзор. // Наука и религия, № 9, 1993. С.54.
10. **Мишель Фуко.** Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977. С.77-78.
11. **Рыбаков Б.А.** Язычество Древней Руси. М., 1988.

S U M M A R Y

The article gives the information these phraseological units contain. The importance of analysis of myth and phraseological units is recognized as means of bringing in order the chaotic mass of mythological images. The impesses of myths are displayed in the internal image of idioms. Human soul in Russian phraseology is presented in the similitude of a bird, air, fire, a thing and a baby.